

Сдвоенные из-за работы руки Линь Чао подперли щеку, и он неосознанно озвучил то, о чем думал.

Проходившая мимо сотрудница услышала это, прикрыла рот рукой, хихикая, и приблизилась, подшучивая:

— Помощник Линь посреди бела дня не идет обедать, о ком это ты тут думаешь?

Линь Чао покраснел, торопливо опустил руки и кашлянул:

— Ни о ком, ни о ком, я просто думал, что поесть в следующий раз!

— О? — Та сотрудница в последнее время наслушалась немало сплетен, с любопытным видом подлетела ближе и тихо спросила Линь Чао: — Разве ты на самом деле думаешь не о президенте Шэне?

— Кхе-кхе-кхе, кхе-кхе... — Секрет Линь Чао был раскрыт, от волнения он снова поперхнулся собственной слюной.

Сотрудница громко рассмеялась и, загадочно придвинувшись к Линь Чао еще ближе, спросила:

— Вы с президентом Шэнем — это правда?

Она задала этот вопрос с двусмысленным подтекстом, а Линь Чао не мог понять, что именно она имеет в виду, поэтому невнятно ответил что-то невразумительное и, поспешно спустившись вниз, сбежал.

— Фух... — Оказавшись внизу, Линь Чао облегченно выдохнул, но, вспомнив слова сотрудницы, снова почувствовал легкую утрату.

Счастье пришло так внезапно, что иногда он сам сомневался в его реальности.

В обед Линь Чао поел в одиночестве и снова поднялся наверх, чтобы продолжить работу.

Внизу под высоткой по-прежнему бурлил поток машин, сотрудники компании были заняты своими делами, стрелки на часах безостановочно двигались вперед, сквозь окна вовремя пробивались лучи солнца, и всё вокруг казалось совершенно обычным.

Линь Чао даже думал: а вдруг примирение с Шэнем Юйшао — всего лишь плод его собственных несбыточных мечтаний? Вдруг он слишком долго этого ждал, и у него просто начались галлюцинации?

Как бывало уже бесчисленное количество раз прежде, когда во сне он видел Шэня Юйшао, как они обнимаются и целуются, но сразу после этого он просыпался в одиночестве посреди темной ночи, чувствуя, что все тело промерзло, и он по-прежнему один.

«Мы с Юйшао действительно помирились?» — спрашивал себя в мыслях Линь Чао, а затем, воспользовавшись моментом по пути в уборную, достал телефон и открыл чат с Шэнем Юйшао.

Ему хотелось написать Шэню Юйшао: «Я скучаю», — но в то же время он боялся, что всё это не настоящее, что Шэнь Юйшао не мирился с ним и ответит лишь холодными словами.

Пока Линь Чао почти мазохистски размышлял о самом худшем исходе, сообщение от Шэня Юйшао пришло на шаг раньше. Там было написано: [Чао-Чао, я скучаю по тебе.]

Линь Чао с облегчением выдохнул, сменил печаль на радость и ответил всего одним символом: [Фух—]

Шэнь Юйшао ответил мгновенно: [Что случилось, малыш? Я только что сошел с трапа самолета, и в голове — только ты.]

Линь Чао рассмеялся в голос и, прислонившись спиной к стене, напечатал: [Я только что думал о том, не привиделось ли мне наше примирение.]

Не прошло и десяти секунд, как раздался звонок от Шэня Юйшао. Линь Чао тут же нажал кнопку ответа:

— Алло.

— Линь Чао, — Шэнь Юйшао еще не вышел из аэропорта, на заднем фоне всё еще слышалось объявление о задержке рейса и шумная толпа, но Линь Чао отчетливо расслышивал каждое его слово.

Шэнь Юйшао произнес: — Линь Чао, послушай меня: то, что мы снова вместе — тебе не мерещится. Я люблю тебя, и хотя прошло всего четыре часа, десять минут и девять секунд с тех пор, как я уехал, я схожу с ума по тому, как сильно по тебе скучаю.

— Юйшао... — сердце Линь Чао переполнилось трогательными чувствами.

— Хватит уже забивать голову всякой ерундой. Мне скоро идти на совещание, освобожусь вечером — созвонимся по видеосвязи.

— Угу, — Линь Чао тяжело кивнул на том конце провода. — Занимайся делами, я буду ждать тебя, сколько бы ни было времени.

— Я скоро положу трубку. Не скажешь ли чего-нибудь приятного, чтобы утешить меня? — произнес Шэнь Юйшао.

— Я скучаю по тебе, Юйшао, я так сильно по тебе скучаю. — Линь Чао наконец высказал то, что было на душе, почувствовал облегчение и, осмелев, добавил: — Хочу, чтобы ты снова хорошенько меня побаловал.

Дыхание Шэня Юйшао на том конце провода стало чуть тяжелее, и он произнес, едва ли не сжав зубы:

— Только и умеешь, что дразнить меня. Вернусь — уж я тебя непременно, жестко, по-настоящему побалую.

Линь Чао тихонько засмеялся, сжимая в руке телефон.

— Дома оденься полегче и жди меня в постели.

— Угу. — Линь Чао завершил вызов, потрогал свои покрасневшиеся донельзя мочки ушей, ополоснул лицо и с невозмутимым видом вышел из комнаты.

Прошло четыре года, а Линь Чао чувствовал, что его собственная кожа на лице стала куда тоньше. Вспоминая те времена, когда они пылко были влюблены, он тогда говорил всякие развратные слова и совершал самые дерзкие поступки, но редко краснел до такой степени.

Особенно в тот период, когда его здорово подстегнул Ли Фэнсин: Линь Чао до смерти боялся, что Шэнь Юйшао он разонравится и тот переключит свое внимание на Ли Фэнсина, поэтому изощренными способами соблазнял Шэня Юйшао.

Соблазнял так, что Шэнь Юйшао терял самоконтроль и снова и снова терзал его, а он безумно выкрикивал: «Не останавливайся».

Припомнив прошлое, Линь Чао снова не удержался и тихо рассмеялся.

Шэнь Юйшао оставил Фэн Ци и нескольких телохранителей в распоряжении Линь Чао, и к концу рабочего дня Фэн Ци отвез Линь Чао на машине на виллу Шэня Юйшао.

Вчера вечером Линь Чао уже ночевал здесь, но из-за сильного опьянения так и не смог толком всё осмотреть.

— Это ключ от комнаты в самом южном крыле на третьем этаже. Президент Шэнь наказал мне обязательно передать его вам лично в руки. Линь Чао в недоумении взял вещь и, движимый любопытством, не задерживаясь, сразу поднялся на третий этаж.

Стоило ему открыть дверь комнаты, как глаза Линь Чао мгновенно увлажнились.

Двухспальная кровать, застеленная розовыми простынями с Hello Kitty, ретро-автомат для аркадных игр в углу, два кресла-мешка на ковре, а также стоявшие на журнальном столике две парные кружки и несколько разбросанных стеклянных перьевых ручек — всё, абсолютно всё здесь точь-в-точь повторяло обстановку той съёмной квартиры, где они когда-то жили.

В то время отношения Линь Чао и Шэнь Юйшао уже устоялись, а их взаимная страсть разгоралась всё сильнее. Они часто не могли сдержатъ чувств и ласкались где попало, а пару раз чуть не попались соседским парням прямо в общежитии. Решив, что так продолжаться не может, Линь Чао задумался о том, чтобы съехать.

Тогда Линь Чао ещё не знал, насколько богата семья Шэнь Юйшао, и понятия не имел, что Шэнь Юйшао уже купил для него неподалёку от университета просторные апартаменты в несколько сотен квадратных метров. Он просто отдал хозяину деньги, которые больше полугода зарабатывал переводчиком в интернете и усердно откладывал, и снял небольшую квартиру.

Увидев, сколько сил Линь Чао вложил в обустройство, и разделяя его искреннее воодушевление, Шэнь Юйшао не захотел портить любимому настроение и не стал заикаться про апартаменты. Вместо этого он без лишних слов собрал вещи и переехал вместе с Линь Чао в ту самую съёмную квартиру.

Квартира была маленькой, но невероятно уютной. Линь Чао был вне себя от счастья, ведь теперь они с Шэнь Юйшао могли без стыда и смущения проводить вместе дни и ночи напролёт, не расставаясь ни на миг.

— Значит, он тоже всё помнит, — Линь Чао потёр покрасневшие уголки глаз и уже собирался

зайти внутрь, как вдруг услышал доносившийся снизу плач Бай Анью.

Ууу-у-у!

С чего это вдруг пришёл Анью?

Что с ним случилось? Почему он плачет?

Исполненный сомнений и охваченный тревогой, Линь Чао забыл обо всём остальном и стремглав бросился вниз.

Бай Анью и без того был весь в слезах, а завидев появившегося Линь Чао, тут же залился горькими рыданиями:

— У-у-у-у, братец Линь Чао, у-а-а-а-у-у-у!

— Не плачь, не плачь, — поспешил успокоить его Линь Чао, подходя ближе.

Бай Анью с размаху бросился Линь Чао на грудь, обнял за талию и принялся вытирать слёзы о его одежду.

Линь Чао с мягкой улыбкой потрепал его по голове, а его голос стал ещё нежнее:

— Перестань плакать и расскажи мне, что стряслось?

Однако Бай Анью не отвечал, а продолжал заливаться слезами.

Бросив взгляд на стоявшего рядом растерянного Фэн Ци, Линь Чао примерно догадался, в чём дело, и, продолжая поглаживать Бай Анью по спине, мягко спросил:

— Это Фэн Ци опять тебя обидел? Скажи брату, брат за тебя заступится. Бай Анью, услышав имя Фэн Ци, тут же зарыдал ещё пуще:

— Уа-а, я больше не хочу любить Фэн Ци! Братец Линь Чао, давай я лучше буду любить тебя?

Линь Чао посмотрел на ребёнка в своих объятиях и почувствовал себя в крайне неловком положении — смеяться или плакать. Он только было собрался расспросить Бай Анью ещё о чём-то, как услышал, что стоявший рядом Фэн Ци произнёс:

— Господин Линь, потрудитесь позаботиться о нём, а я... я пока выйду.

— Эй, ты...

Линь Чао не успел ничего сказать, как Фэн Ци сбежал, словно спасаясь бегством.

После ухода Фэн Ци Бай Анью даже перестал плакать. Он поднялся с колен Линь Чао, утер слёзы краем линьчаовской рубашки, и хотя выражение его лица было крайне упрямым, глаза и нос оставались красными, из-за чего он выглядел жалобно и трогательно.

Линь Чао с замиранием сердца погладил его по голове и вздохнул.

— Я сказал, что буду любить тебя, а он даже не ревнует, — губы Бай Анью задрожали, в глазах снова набухли слёзы, но он из последних сил сдерживал их, не давая упасть.

— С чего это не ревнует? По-моему, когда он уходил, выражение лица у него было не из лучших, — сказал чистую правду Линь Чао.

— Он меня не любит, конечно, не ревнует, — Бай Анью поджал губы и отвернулся, чтобы протереть глаза.

— Ты такой милый, кто сможет тебя не любить? — Линь Чао завёл Бай Анью в комнату и, вытянув несколько салфеток, протянул ему.

Вытерев глаза, Бай Анью схватил ещё одну чистую салфетку и принялся беспорядочно тереть рубашку Линь Чао:

— Прости, братец Линь Чао, я всё твоё платье испачкал.

— Ничего страшного.

Линь Чао хотел лишь одного, чтобы с тем всё было хорошо, а видя его покрасневшие глаза, он смочил полотенце и вынес его, чтобы тот приложил к глазам.

Бай Анью послушно приложил влажное полотенце к глазам и вскоре снова начал всхлипывать.

— Братец Линь Чао...

— Я здесь, — Линь Чао взял его за руку, успокаивая. — Хочешь что-то сказать — говори, я слушаю.

— Я только что признался Фэн Ци в любви, а он отверг меня, — чем больше говорил Бай Анью, тем сильнее чувствовал себя обиженным. — И еще сказал, чтобы я больше никогда к нему не приходил. Мне и вправду так больно.

Линь Чао нахмурился.

— Раньше, когда я плакал, он всегда меня утешал, но сейчас, когда я ревел как этот долбанный дурак, он остался совершенно равнодушен. С таким трудом ты помог мне уговорить брата, и он пообещал больше не запрещать мне заводить романтические отношения. Я был так рад, что сразу же побежал искать Фэн Ци... Но, но кто бы мог подумать, что Фэн Ци поступит со мной вот так! Линь Чао поддерживал хорошие отношения с Бай Аньланем и в каком-то смысле сам наблюдал за тем, как растёт Бай Анью, поэтому уже давно воспринимал его как родного младшего брата. Услышав сейчас слова Бай Анью, он мгновенно вспыл.

— Ах ты, Фэн Ци! Подожди, я пойду и потребую у него объяснений.

— Брат Линь Чао, не ходи! — испуганно схватил Линь Чао за руку Бай Анью, заторопившись. — Не ходи.

— Анью, ты...

— Раньше я унижался перед ним лишь потому, что он хорошо ко мне относился и никогда мне не отказывал. Я думал, раз он такой чистый и застенчивый, то в стремлении сблизиться кто-то должен проявить инициативу. Раз он не делает первый шаг, значит, это сделаю я.

Говоря это, Бай Анью снова всхлипнул:

— Но сегодня он ясно и понятно мне отказал, да еще и велел больше к нему не обращаться. Каким бы бесстыдным я ни был, я не могу вести себя как дурак и снова лезть к нему на посмеище. Так что я не пойду, и ты, брат Линь Чао, тоже не ходи.

— До чего же я слеп, — у Линь Чао даже глаза покраснели от злости, и он горько усмехнулся:
— Раньше я ведь считал Фэн Ци порядочным человеком и даже подумывал свести вас двоих.

— Наверное, он все-таки любит женщин, а я мужчина, вот и не нравлюсь никому.

— Ты совсем глупый что ли? — Линь Чао со злости щелкнул Бай Анью по лбу. — Если ты ему не нравишься, значит, у него просто ума нет. Наш Анью всем на зависть какой привлекательный, на свете не сошелся клином свет на этом Фэн Ци. Если хочешь завести отношения, я прямо сейчас подыщу тебе пару.

— Не нужно, брат Линь Чао, — испуганно запротестовал Бай Анью.

Линь Чао немного успокоился, внимательно всмотрелся в лицо Бай Анью и вздохнул:

— Ты все еще не можешь его отпустить?

Бай Анью кивнул, а затем добавил:

— К тому же мне просто обидно. Сам подумай, мы ведь и целовались, и спали вместе, и в кино ходили, и по магазинам гуляли... Почему же я вдруг перестал ему нравиться?

— Анью, послушай меня...

— Я знаю, что ты скажешь. Ты наверняка попросишь меня забыть его и начать всё сначала, но я не хочу слушать, не хочу! — Бай Анью снова капризно надулся, закрыл уши руками и жалобно посмотрел на Линь Чао.

Линь Чао ничего не мог с ним поделать.

— Ладно, тогда не буду говорить. Я слушаю тебя.

— Мне просто обидно! — возмутился Бай Анью. — Я больше не буду бросаться на него, стоить мне его увидеть, как раньше. В этот раз я придумаю тысячу способов, как вывести его из себя.

Линь Чао в той или иной степени знал нрав Бай Анью: этот малец с виду казался послушным, мягким и совершенно безобидным, но на самом деле, избалованный с детства, обладал изрядной долей упрямства и своенравия. Если он что-то решил, Линь Чао никак не смог бы переубедить его.

— И что же ты собираешься делать? — оставалось только спросить, к чему тот клонит.

В глазах Бай Анью мелькнула темная искорка:

— Раз уж он любит женщин...

Линь Чао в самых страшных снах не мог представить, что придуманный Бай Анью способ заключался в том, чтобы затащить его в магазин женской одежды.

Сначала Линь Чао категорически не одобрял эту затею: Фэн Ци любит женщин, поэтому ты наденешь женское платье? А как же твой план свести его с ума от злости?

План Бай Анью же состоял в том, чтобы переодеться в девушку и соблазнить Фэн Ци. А когда тот клюнет на удочку, сорвать с головы парик, заявить, что он мужчина, и от души влить ему пару звонких пощечин. По его мнению, это оставило бы в душе Фэн Ци неизгладимую психологическую травму.

Линь Чао думал про себя: «Ты что, сериал тут усмотрел? Стоит накраситься, и у окружающих сразу упадет интеллект, они тебя в упор не узнают? Анью, ты наивный или просто дурачок?»

А Бай Анью тем временем топал ногами и спорил с Линь Чао, заявляя, что тот просто не разбирается в современных техниках макияжа. Это же как пластическая операция! С косметикой и без — буквально два разных человека. Он даже поклялся, что после макияжа родные отец с матерью не узнают, и даже Бай Аньлань не поймет, кто перед ним.

Линь Чао: «Ась?»

Бай Анью: «Не веришь — посмотри видео с перевоплощениями в сети!»

Линь Чао: «Да ну тебя...»

Эти сетевые видеоролики до добра не доводят, но Бай Анью уперся: непременно хочет сменить обличье, предстать перед Фэн Ци и сорвать парик. Не сумев его отговорить, Линь Чао в конце концов сдался и пообещал: если Бай Анью сможет накраситься так, что даже Бай Аньлань его не узнает, пусть дурачится сколько душе угодно.

Линь Чао думал: «Аньлань все-таки родной брат Анью, они столько лет жили под одной крышей, неужели не узнают друг друга из-за какого-то макияжа?»

А Бай Анью с абсолютно уверенным видом и победной улыбкой хлопнул Линь Чао по руке:

— Уговор.

Перед Линь Чао лежали два комплекта женской одежды.

Первый — милый и скромный матросский костюм в студенческом стиле: белая короткая рубашка с глубоким синим галстуком-бабочкой на груди и многослойная плиссированная юбка выше колен в комплекте с белыми гольфами.

Второй комплект — горничная: ткани минимум, сплошное черно-белое кружево, спина полностью открыта, а с плеч спускаются лишь две перекрещивающиеся лямки, тянущиеся до самых ягодиц. Выглядело это исключительно сексапильно и соблазнительно — назвать такую вещицу костюмом горничной язык не поворачивался, скорее, это был просто фартук.

И к этому наряду прилагались черные чулки.

Линь Чао смотрел на оба костюма, и неизвестно о чем таком он подумал, но мочки его ушей постепенно начали краснеть. Он отшвырнул в сторону оба комплекта одежды и повалился на мягкую кровать, накрывшись одеялом с головой, чтобы скрыть пылающее лицо.

Линь Чао казалось, что он окончательно сошел с ума.

Ведь он всего лишь пошел с Бай Анью покупать женскую одежду, но стоило Бай Анью сказать пару слов, как он, совершенно потеряв голову, зачем-то купил два комплекта и себе.

К тому же, такие комплекты, от вида которых в голове сразу возникают самые непристойные мысли.

Линь Чао невольно снова подумал о Шэнь Юйшао. Шэнь Юйшао сказал, что сегодня вечером позвонит ему по видеосвязи, и велел надеть что-нибудь полегче и ждать его в постели.

Линь Чао глубоко вздохнул и принялся всерьез размышлять: стоит ли все-таки надевать это?

Если он наденет, не решит ли Шэнь Юйшао, что он слишком распутный?

Но если не надевать — не зря ли тогда была сделана покупка?

Да и плевать, решил Линь Чао, зажмурился, стиснул зубы и взял в руки костюм матроски.

Городские ночи всегда озарены яркими огнями. Пока Линь Чао, терзаясь сомнениями, ждал видеозвонка от Шэнь Юйшао, Бай Аньлань уже отправился в бар, чтобы предаться своей привычной ночной жизни.

Мерцающий свет, ритмы рок-музыки, самые дерзкие выступления на сцене и самый крепкий алкоголь в зале. Бай Аньлань покачивал бокал, думая, что было бы просто идеально, если бы ему сегодня удалось встретить кого-нибудь по вкусу.

В этот момент на середину сцены вышла ослепительная красавица в короткой черной юбке и с ярким макияжем. Сначала она послала всем воздушный поцелуй, а затем сбросила верхнюю одежду и, извиваясь всем телом, начала танцевать у шеста.

Вокруг поднялся шум и свист, Бай Аньлань тоже с улыбкой захлопал вместе с остальными.

Кто-то в толпе кричал от восторга, а кто-то недоумевал: И что это за девица? Чего она пришла в гей-бар внимание перетягивать?

Другой лишь покачал головой: Ты глаза-то протри и присмотришься хорошенько. Это же самый обычный женоподобный паренек, какая там девица?

Из-за этих слов Бай Аньлань еще пару раз взглянул на сцену. В танцующих бликах света он не мог разглядеть лица танцора, зато отчетливо видел полоску белой, как фарфор, кожи, мелькавшую при каждом движении бедер.

Сердце Бай Аньлани внезапно забилося чаще, а по телу разлился жар.

Он уже давно ни с кем не встречался: во-первых, из-за занятости на работе, а во-вторых, действительно не попадалось никого, кто зацепил бы взгляд. Но этот мальчишка, который

столь неуклюже танцевал у шеста, неведомым образом задел в нем какую-то струну, и теперь Бай Аньлань просто не мог оторвать от него глаз.

Бай Аньлань уже успел выпить немало, поэтому мысли его начали путаться. Он принялся воображать, кто этот мальчик и откуда он взялся, и уже фантазировал о том, как станет за ним ухаживать и как будут развиваться их отношения.— Разве я не сошел с ума? — думая об этом, Бай Аньлань и сам находил это забавным.

Однако он тут же подумал: когда тот дотанцует танец на пилоне, можно будет подойти, попросить номер телефона и окольными путями расспросить, есть ли у него парень.

Вскоре музыка затихла, и толпа действительно обступила юношество, только что танцевавшее на пилоне. Но тот не обратил внимания ни на кого из них, а раздвинул людей и направился в сторону Бай Аньлани.

Этот юноша был в парике, густая челка закрывала большую часть его лица, а броский, тяжелый макияж скрывал истинные черты, из-за чего было трудно разглядеть его настоящее лицо.

Но неизвестно почему Бай Аньлань чувствовал: без макияжа этот парень наверняка окажется миловидным и привлекательным.

Шаги юношества становились всё быстрее, и сердце Бай Аньлани забилось чаще. Однако не успел он толком разглядеть лицо парня, как тот бросился ему на грудь.

— Ты это...

Парень, судя по всему, подложил фальшивую грудь — когда он налетел, Бай Аньлань ощутил два мягких комка, но...Бай Аньлань не покидало странное чувство, будто он обнимает человека в своих руках вовсе не в первый раз. Однако под воздействием алкоголя он не стал ломать голову над этими мыслями и просто последовал за юношей в уборную.

Бай Аньлань оказался прижат к раковине. Он хотел было сказать, что всё происходит слишком быстро: в конце концов, он не искал случайных связей на одну ночь, а хотел завести серьезные отношения, развивающиеся по порядку — взаимное узнавание, прогулки за руки, совместные походы в кино, поцелуи и лишь потом постель.

Но не успел он раскрыть рта, как юноша мягко дунул ему в ухо и прошептал:

— Саранхэ.

Неужели этот парень приехал из Кореи?

Впрочем, неважно, откуда он приехал, Бай Аньлани это определённо завело. Его дыхание

сбилось, и, отбросив прочь лишние мысли, он одной рукой обхватил юношу за талию, а другой притянул за затылок, намереваясь поцеловать.

Раз уж этот человек сам решил его раздражить, то винить его в том, что он пропустил все предыдущие этапы и сразу перешёл к делу, не стоило, верно?

Однако в тот самый момент, когда его губы должны были коснуться губ юноши, тот слегка отстранился, а затем оставил на его щеке влажный, тяжёлый поцелуй.

<http://bllate.org/book/20914/2115156>